

ПРОБЛЕМЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ФЕОДАЛИЗМА
У НАРОДОВ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

ны, разложения этого строя и перехода его в классовое общество уже имеется довольно обширная литература. Достаточно назвать труды С. Н. Джанашиа «Родовой строй у грузинских племен», «К возникновению феодальных отношений в Грузии» и др., где он, привлекая письменные источники и этнографические данные приходит к выводу, что все грузинские племена пережили стадию родового строя и довели ее до высшей формы развития. В работах Г. С. Читая, В. В. Бардавелидзе, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе на основе главным образом этнографического материала восстанавливаются основные черты общинного уклада грузинских горцев.

Дальнейшее изучение древнего социально-экономического строя горной Грузии в связи с вопросом о месте и роли общины в процессе возникновения феодальных отношений является неотложной задачей.

Грузия самобытная, но и органическая часть более обширного мира. Поэтому столь важное в древней истории Грузии явление, как замена рабовладельческого строя феодальным, не может быть понято без учета истории тех народов, с которыми была в сношениях древняя Грузия.

В этом направлении представляет интерес статья В. Н. Габашвили «Проблема генезиса восточного феодализма», где рассматриваются и отдельные моменты генезиса грузинского феодализма в сравнительно-историческом плане.

Таковы некоторые итоги и назревшие задачи грузинской советской исторической науки в деле разработки проблемы генезиса феодализма в Грузии.

Е. А. Давидович

ОБ ИНСТИТУТЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ПОЖАЛОВАНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ IX — X ВВ.

Один из важнейших институтов, характеризующих степень феодализации общества «сверху», — институт феодальных земельных пожалований за службу. Для характеристики развития этого института, его конкретных форм

и места в социально-экономической жизни халифата IX—X вв. исследователями собран и проанализирован значительный материал. Письменные источники в частности позволили установить, что с середины X в. институт феодальных пожалований, именуемый иктой, получил там самое широкое распространение¹. А в Средней Азии? К сожалению, специального конкретно-исторического исследования относительно института икта и его роли в социально-экономической жизни Средней Азии IX—X вв. в нашей литературе нет. Имеются лишь отдельные высказывания, общий смысл которых сводится к тому, что этот институт получил широкое распространение лишь при Караханидах в XI—XII в.

В частности, замечания по этому вопросу содержатся в трудах А. Ю. Якубовского. Указав два случая бытования икты в Средней Азии и отметив, что назначение на пост наместников областей рассматривалось как пожалование, А. Ю. Якубовский делает вывод, что источники сохранили мало данных об икте, а поэтому «мы не можем сказать, как глубоко икта проникла в социально-экономическую жизнь Средней Азии»². Характерно, что в «Истории народов Узбекистана»³ в главе о Средней Азии IX—X вв. об институте икта вообще не говорится, чем косвенно утверждается его незначительное место в социально-экономической жизни Средней Азии этого периода. Соответственно этому рассматриваются и категории землевладения: об условном землевладении совсем не упоминается. В другом обобщающем труде — «Очерках истории СССР»⁴ А. Ю. Якубовский для XI—X вв. земли икта в Средней Азии, правда, упомянул, но по-прежнему подчеркнул, что икта широко распространилась лишь в XI — начале XIII в. Эта точка зрения оказалась устойчивой, хотя в литературе были опубликованы факты и соображения, свидетельствующие против нее⁵.

¹ А. Е. Бертельс. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959, стр. 27—30; Б. А. Шустер. Шестой том Всемирной истории Ибн-Мискавейха как источник по социальным отношениям в позднем халифате, КСИИАН, XLVII. М., 1961, стр. 82—88.

² А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (IX—XV вв.). КСИИМК АН СССР. XXVIII. 1949.

³ «История народов Узбекистана», ч. I. Ташкент, 1950.

⁴ «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I. М., 1953.

⁵ Е. А. Давидович. Владетели Насрабада. КСИИМК АН

Между тем, объективно такая точка зрения означает, что процесс феодализации среднеазиатского общества протекал более замедленными темпами, чем в других местах Востока (в частности, и в халифате при Буидах), или какими-то своеобразными путями. Следует отметить, что в письменных источниках также мало прямых указаний относительно развития икты в Средней Азии и при Караханидах, однако это не помешало исследователям (в основном по аналогии с сельджуками), утверждать, что в этот период икта получила широкое распространение.

Для изучения этого вопроса мы привлекли совершенно новый источник — нумизматический, монеты IX—X вв. Монеты показали, что Самарканд, Шаш, Ахсикет и Фергана в целом, Насрабад, Куба, Исфиджаб и другие города и области Средней Азии на разных отрезках времени были феодальными владениями на основе пожалования. Сравнительный анализ монетных надписей позволил выявить характерные признаки такого рода пожалований, проследить живой процесс развития этого института, фактическое расширение прав жалованных владельцев, превращение жалованных владений в самостоятельные уделы с попытками наследственного их закрепления и успешную подчас борьбу с этим центральной власти.

Каким же образом все эти сведения удается извлекать из «немногословных» монет, какова методика работы с монетами как источником для изучения института феодальных пожалований?

Мы вынуждены здесь ограничиться тремя примерами, достаточно показывающими эту методику, и позитивным изложением результатов исследования в целом.

В 888 г. война между братьями Насром и Исмаилом окончилась победой последнего, но Исмаил оставил престол Насру. Началась же война из-за того, что Исмаил не внес харадж Бухары в казну центральной власти. Исследователи в таком виде и восприняли рассказ Наршахи, не обратив внимания на любопытные цифры: Исмаил

СССР, вып. 61, 1956; она же. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным. Эпиграфика Востока. XI. М.—Л., 1956; она же. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. «Тр. АН Тадж. ССР», т. XXVII, 1956, она же. Саманидские монеты Кубы. СА, 1960, № 2.

не внес в казну Насра харадж в размере 500 тыс. дирхемов гитрифи, между тем как харадж равнялся почти одному миллиону 200 тысячам этих дирхемов! Значит, Исмаил был не просто наместником и сборщиком хараджа, а владельцем на правах феодального пожалования: только часть доходов (500 тысяч дирхемов) он должен был отдавать своему брату и сюзерену Насру, а больше половины (около 700 тыс. дирхемов) были ему пожалованы. Он же хотел расширить свои жалованные права и весь доход с Бухары оставлять себе.

Итак, Бухара при Насре была жалованным владением в руках Исмаила. Монеты этих лет с именем Исмаила пока не известны. Перед нами конкретно-исторический пример феодального пожалования целой области, не сопровождавшегося, очевидно, передачей монетной регалии. Пример этот интересен еще и другим: он показывает, что письменные источники не так надежны, как казалось исследователям. Если в них мало прямых свидетельств о пожалованиях в Средней Азии, то косвенные указания могут быть обнаружены.

Второй пример — другого рода, он собственно нумизматический. С 336/947-48 г. по 344/955-56 г., т. е. при саманидских государях Нухе I (943—954 гг.) и Абдулмалике (954—961 гг.), город Насрабад ежегодно выпускал монеты, своим внешним видом и содержанием надписей несколько отличные от обычных саманидских фельсов. Они делятся на две группы: раннюю (336—342 гг. хиджры) и позднюю (343—344 гг. х.). На монетах ранней группы имена четырех лиц: 1) эмира Нуха, сына Насра, 2) эмира Малика, сына Шукр Тегина, 3) эмира Бекра, сына Малика, и 4) Хусейна, сына Юмана (Нумара?). Первое имя принадлежит саманидскому государю Нухе I; последнее, судя по его местоположению на монетном кружке и вводной формуле, — какому-то чиновнику, ведающему монетным двором. Наиболее интересны два других имени: Бекра с. Магика и Малика с. Шукр Тегина. Ясно, что это сын и отец и что они по происхождению — турки (титул деда — «тегин»). Почему же они носят титул «эмиров» (титул саманидских государей) и в качестве кого они появились на медных саманидских монетах Насрабада?

На саманидских монетах лицо, которому принадлежала фактическая власть над городом или областью,

всегда упоминалось в круговой надписи обратной стороны после вводной формулы «из того, что приказал». Именно поэтому на основной массе медных монет X в. после этой вводной формулы проставлено имя саманидского государя. Но на монетах Насрабада после этой же формулы стоит имя тюрка Малика, сына Шукр Тегина. Может быть, это мятежник, захвативший город, незаконно вычеканивший монеты от своего имени и столь же незаконно присвоивший себе титул эмира? Против такого вывода выступают два факта: эмир Малик на своих монетах имя саманидского государя упоминает, причем таким почетным образом, как сами саманидские эмиры на серебряных монетах помещают имена халифов; монеты от имени эмира Малика Насрабад выпускает 9 лет — срок более чем достаточный для того, чтобы восстановить права центральной власти в маленьком городке.

Все недоумения рассеивает характер упоминания на монетах имени Бекра сына Малика: «Чеканена эта монета в Насрабаде эмира Бекра сына Малика...» Из этой надписи видно, что Насрабад считался принадлежностью Бекра. Между тем фактически управлял, владел Насрабадом его отец Малик. Остается выяснить, каким путем и на каких основаниях Бекр получил Насрабад и почему передал город своему отцу.

О местоположении Насрабада высказаны две точки зрения: согласно одной (В. Г. Тизенгаузен, О. Кодрингтон), монеты чеканены в Насрабаде Хорасанском; согласно другой, — в Насрабаде Ферганском (М. Е. Массон). Регистрация монетных находок говорит в пользу второй точки зрения: монеты Насрабада (в тех случаях, когда известно место их находки) происходят из Ферганы. Окончательно решает этот вопрос свидетельство письменных источников, которые называют Бекра, сына Малика ал-Фергани, — крупного сановника при дворе Саманидов Нуха и Абдулмалика. Его нисба (ал-Фергани) свидетельствует о том, что принадлежащий ему город Насрабад именно ферганский. Это город в восточной Фергане, где очень сильны были тюркские элементы. Семья Бекра, судя по титулу деда, была знатного происхождения. Можно было бы предположить, что еще до Саманидов у семьи Бекра было в восточной Фергане свое наследственное владение. В таком случае город Насрабад можно было бы считать самостоятельным владением с доса-

манидской тюркской династией, номинально признавшей власть Саманидов. Это прибавило бы к списку подобного рода владений, перечисленных письменными источниками, еще одно, не упомянутое ими. Но против такого допущения серьезно аргументируют два факта. Если бы Насрабад был наследственным владением семьи Бекра, монеты не отразили бы такого странного положения, когда город принадлежал сыну при жизни отца, фактически владевшего этим городом. Более существенно, что, по справедливому предположению исследователей, город был построен самими Саманидами и назван именем одного из них⁶. Поэтому он не мог быть наследственной собственностью тюркской семьи Бекра.

Таким образом, Насрабад был феодальным владением, пожалованным Бекру, сыну Малика, за службу. Это объясняет все особенности монетных надписей. Вместе с пожалованием экономические привилегии, власть в городе и даже монетная регалия перешли к семье Бекра, поэтому Саманид Нух и не упомянут после вводной формулы «из того, что приказал», но зато Нуха отметили в надписи почетно, так как после пожалования между Нухом и Бекром устанавливались отношения сюзерена и вассала. Поскольку отец Бекра был жив, а сам Бекр продолжал служить Саманиду Нуху — все реальные права жалованного владельца Бекр передал своему отцу Малику, почему имя последнего и помещено после вводной формулы «из того, что приказал». Однако происхождение этого владения, как феодального пожалования за службу было подчеркнуто той частью надписи, где сказано, что Насрабад — принадлежность Бекра.

Третий пример — Исфиджаб. Положение этого города и области в составе Саманидского государства известно из письменных источников. В трактовке источников и исторической литературы Исфиджаб и другие подобного рода области были независимыми или полунезависимыми владениями, которыми управляли местные династии (подчас древнего происхождения), не платившие Саманидам регулярной дани и ограничивавшиеся лишь подарками, иногда носившими к тому же чисто символический характер.

⁶ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, стр. 164.

Однако в такой трактовке упущено главное. Исфиджаб был не просто самостоятельным владением, завоеванным Саманидами в середине еще IX в. и с тех пор номинально входившим в состав Саманидского государства. Такое положение могло быть и в рабовладельческом обществе. Исфиджаб был феодальным уделом в составе феодального Саманидского государства. Об этом свидетельствуют следующие факты.

1) Исфиджабский владетель ежегодно посылал Саманидам 4 данака. Это было выражением того, что доходы области принадлежали Саманидам; последние пожаловали их владетелям Исфиджаба, но не целиком, а «частично» (кроме 4 данаков).

2) Саманиды, завоевав Исфиджаб, сохранили местную династию, пожаловав ей управление областью.

3) За пожалование экономических и административно-политических привилегий исфиджабские владетели должны были служить Саманидам. Исфиджаб был военно-стратегическим и торговым рубежом между земледельческим и кочевым населением. Исфиджабские владетели обеспечивали здесь мир и нормальный торговый обмен со степью. По требованию Саманидов владетели должны были также поставлять войско для любых других военных мероприятий своих сюзеренов, в чем заключалась их служба. Некоторые представители исфиджабской династии служили и при саманидском дворе.

Таким образом, между исфиджабскими владетелями и саманидскими государями были отношения вассалов и сюзеренов, как результат пожалования, с одной стороны, и службы — с другой.

Этот вывод подтверждает исфиджабский чекан. На исфиджабской медной монете 307/919—20 г. читаются два имени: саманидского государя Насра, сына Ахмада (914—943 гг.), и местного, исфиджабского владетеля Ахмада, сына Мута. Имя саманидского государя упомянуто дважды: почетно, как сюзерена, и после вводной формулы «из того, что приказал». Это подтверждает наше толкование источников: доходы области считались принадлежащими не местным владетелям, а именно саманидским государям. Они были лишь пожалованы местным владетелям, не целиком, а как бы «частично», почему после вводной формулы стоит имя не местного владетеля, а саманидского эмира.

Итак, перед нами три конкретно-исторических примера феодальных пожалований за службу, выявленных в одном случае на основании анализа косвенных свидетельств письменного источника, в другом случае — путем анализа монетных надписей, а в третьем — с помощью обоих видов источников. Эти три примера — ключ к пониманию целой группы медных монет и к выявлению еще многих фактов феодальных пожалований.

Все выявленные примеры феодальных пожалований с точки зрения монетного чекана могут быть поделены на 4 категории: 1) владетель не чеканит монет со своим именем (пример — Бухара в руках Исмаила при жизни Насра); 2) владелец чеканит медные монеты от имени главы Саманидской династии, а свое имя помещает на монетах, как имя вассала (примеры — Самарканд в 244—245 г. х.; Шаш в 225 г. х., Исфиджаб в 307 г. х.); 3) владелец чеканит медные монеты от своего имени, а имя главы династии помещает на монетах только почетно, как имя сюзерена (Ахсикет в 303, 355—357 г. х., Насрабад в 336—342 г. х., Куба в 349 г. х. и в 356 г. х., Фергана в 358—359 г. х. и в 366—367 г. х.); 4) владетель чеканит медные монеты от своего имени, а имя главы династии вовсе не упоминает (Ахсикет в 284 г. х. и 299 г. х., Шаш в 265 г. х.).

Эти категории отражают разные варианты взаимоотношений между центральной властью и вассальными владетелями жалованных городов и областей. Но у всех категорий есть ряд объединяющих их признаков: 1) жалованные лица — не рядовые представители служилого или военного сословия, а члены династии, крупные гражданские и военные чины; 2) размеры пожалований — всегда крупные (области, районы, города); 3) пожалования предполагали передачу пожалованному лицу части или всех доходов; 4) они были обусловлены службой; 5) пожалования не были ни пожизненными, ни наследственными; 6) они давали большие права во внутренних делах вплоть до частичной передачи монетной регалии; 7) жалованные владения образовывались двумя путями: в одних случаях центральная власть действительно жаловала за службу, в других же лишь «оформляла» фактически сложившееся положение.

Монеты показывают, что жалованные владетели пытались расширить свои права, но центральная власть с

этим боролась. Приведем два примера. Монеты позволили выяснить генеалогию и хронологию правителей Ферганы. Будучи владельцами на правах пожалований, они пытались превратить свое владение в наследственное, и частично это удалось. Так, Исхак б. Ахмед 20 лет владел Ахсикетом (главным городом Ферганы), затем город достался его сыну Мухаммеду б. Исхаку. Оба они были вполне самостоятельными во внутренних делах удельными владельцами, медные монеты чеканили от своего имени, а имя главы династии на своих монетах даже не упоминали. Лишь после открытого восстания претендовавшего на престол Исхака и его поражения центральная власть отобрала Фергану у его семьи и передала Ахсикет другому лицу, предоставив ему, судя по монетному чекану, значительно меньшие права.

Еще показательнее история с Кубой и Насрабадом. Эти небольшие города были пожалованы не членам династии, а крупным сановникам при дворе Саманидов. Владетели их чеканили медные монеты от своего имени, но с почетным, в качестве сюзеренов, упоминанием глав династии. По прошествии некоторого времени монетные дворы были закрыты, а их оборудование вывезено, о чем рассказали совершенно необычные монеты, чеканенные в Фергане много лет спустя. Одна из сторон этих монет чеканена обычными ферганскими штампами 359/969-70 г., а на другой стороне, вместо надписей ферганских монет этого года, оказались совсем другие. Ближайшее рассмотрение показало, что оборотная сторона одной из этих двух уникальных монет чеканена старым штампом Насрабада, а второй — старым штампом Кубы.

Характер ликвидации монетных дворов говорит о том, что указанные пожалованные владения были отобраны центральной властью. Причины совершившегося могли быть разные, но поздний чекан Насрабада намекает на то, что здесь скорее всего имели место попытки со стороны владельцев расширить свои права, а центральная власть, пресекая эти попытки, ликвидировала пожалования. В 343/954 г. умер Саманид Нух, при котором так возвысился насрабадский владелец Бекр, сын Малика. На престол вступил сын Нуха, Абдулмалик. Но имени Абдулмалика нет на монетах Насрабада, чеканенных в 343/954-55 г. и 344/955-56 г. Бекр, сын Малика, в эти годы продолжал служить Саманидам, но его имя также

отсутствует на насрабадских монетах этих лет. Зато на них по-прежнему почетно упомянуто имя покойного государя Нуха. Не исключено, что Абдулмалик не подтвердил это пожалование своего отца и Насрабад тем самым перестал быть жалованным владением Бекра. Это предположение лучше всего объясняет изменения в монетных надписях. Ведь Бекр после смерти Нуха продолжал служить Абдулмалику. Незадолго до своей смерти Нух назначил его на самый высокий пост хорасанским наместником, и Абдулмалик подтвердил это назначение. В такой ситуации Бекр не захотел бы, вопреки воле Абдулмалика, считать Насрабад своим владением, а Малик, его отец, с этим владением не захотел расставаться. Поэтому он исключил из монетных надписей имя живого сына и сохранил имя покойного государя. Это не осталось без последствий и для Малика, и для Бекра. Известно, что Бекр был убит, очевидно, с согласия Абдулмалика. Официальная версия, переданная источниками, — недовольство гвардии⁷. Но дата убийства — 345 г. х. (конец 956 г. н. э.) в свете всего изложенного наводит на размышления. «Мятеж» Малика (отца Бекра) не мог не навлечь подозрений и недовольства на сына, хотя Бекр, судя по монетам 343—344 гг. х., формально никакого участия в этом мятеже своего отца не принимал. По-видимому, ликвидация насрабадского владения «мятежника» Малика и убийство его сына Бекра — два звена одной цепи.

Так или иначе, насрабадские монеты 343—344 гг. х. свидетельствуют о попытке Малика, отца Бекра, не признать нового государя, сохранить за собой Насрабад и превратить его в независимое владение, стерев всякое напоминание о путях и форме его получения.

Монеты позволили подметить еще два процесса. Уже говорилось, что в качестве пожалованных лиц в IX—X вв. выступают члены династий, а также крупные военные и гражданские чины. Но удельный вес пожалований последним и преобладающие размеры пожалований не оставались неизменными. Заметно, что в IX в. пожалования были преимущественно очень крупными и давались они в пользу членов династии. В X в., особенно во второй по-

⁷ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 261.

ловине столетия, все чаще и чаще пожалования даются не членам династии, а размеры пожалований бывают и значительно меньшими, чем раньше.

Мы проанализировали сравнительно небольшую группу медных монет, но выявили уже 16 конкретных среднеазиатских примеров феодальных пожалований за службу. 10 из них, относящиеся к IX в. и первой половине X в., детально проанализированы нами в опубликованных статьях (1956 и 1960 гг.). Вновь обратившись к нумизматическому источнику, мы выявили еще 6 случаев феодальных пожалований, относящихся уже ко второй половине X в., а источник отнюдь еще не исчерпан! Даже на известных и опубликованных медных саманидских монетах много разных имен. На них, разумеется, нельзя совершенно механически переносить выводы, сделанные на основании вышеупомянутых 16 примеров. Каждая новая монета и каждое имя на ней требуют самостоятельного анализа. Но нет сомнений в том, что медные монеты открывают еще не один забытый другими источниками случай феодального пожалования.

Что касается серебряных саманидских монет, то они вообще еще никем не привлекались с этой целью. Следовательно, для историков и нумизматов Средней Азии весьма перспективно дальнейшее изучение саманидских медных и, очевидно, серебряных монет как источника, дающего новые факты, характеризующие развитие в IX—X вв. института феодальных пожалований за службу.

Но и приведенных материалов достаточно, чтобы пересмотреть сложившуюся точку зрения на уровень развития в Средней Азии IX—X вв. этого института. Конечно, феодальные пожалования не стали в этот период господствующей формой вознаграждения за службу, но они были распространены значительно шире, чем это представлялось раньше, значительно глубже проникли в социально-экономическую жизнь общества и значительно больше его феодализировали.

Караханидское завоевание отнюдь не было решающим фактором в развитии института феодальных пожалований, как можно было думать, опираясь на старые оценки уровня развития этого института в Средней Азии IX—X вв. Караханиды лишь создали благоприятные условия для дальнейшего развития института, и до этого завоевания уже занимавшего весьма большое место в социально-экономической жизни Средней Азии.

Следует подчеркнуть, что никакой другой материал в такой яркой и отчетливой форме не показывает генезиса феодализма и развития под оболочкой патриархальных отношений отношений феодальных, как кавказский материал. Таким образом, материалы по обычному праву кавказских народов имеют первостепенное значение не только для решения конкретных вопросов социальной истории этих народов, но также и для решения общеметодологических проблем, связанных с проблемой генезиса феодализма.

Полагая, что разговор на нашем совещании должен идти прежде всего вокруг общих проблем, на эту сторону обычного права материала следует обратить большое внимание.

Здесь говорилось о необходимости сосредоточить внимание на изучении крупных историко-географических районов, например таких, как Закавказье и сопредельные страны Ближнего Востока, Средняя Азия, Прибалтика. Это будет несомненно интересно и плодотворно, если мы будем обращать внимание не только на местные особенности процесса феодализации, но и выявлять общие черты, характеризующие этот процесс. Конечно, нужно избегать необоснованных и поспешных выводов. Лишь тогда сделанные обобщения обогатят нашу науку.

Мы, к сожалению, проводя конкретные исторические исследования, часто избегаем больших социологических обобщений, а это важная часть исторических исследований, к которой надо вернуться.

Т. К. Кадырова

Изучение письменных источников, написанных в VIII—XII вв., дает возможность освещать процессы феодализации в Мавераннахре и Хорасане в VIII—IX вв.

Для всестороннего изучения феодальной собственности мы должны рассматривать и собственность феодала на воду. К. Маркс писал: «Ради полноты следует заметить, что здесь под землей подразумевается и вода, поскольку она имеет собственника, является принадлежностью земли»¹.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 164.

К. Маркс в статье «Британское владычество в Индии» и в своих письмах к Ф. Энгельсу отмечал, что на Востоке организацию ирригационных работ правительство взяло в свои руки. «Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке,— где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории были слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации,— повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ»².

Некоторые подробности организации общественных работ VIII в. сообщает нам законовед Абу Мусуф Йа'куб: «Если население Савала нуждается в прорытии магистральных каналов, берущих начало из Тигра и Ефрата, то эти каналы нужно прорыть для них, причем расходы на это должны лечь частично на государственную казну, частично же на плательщиков хараджа, и нельзя возложить эти расходы целиком только на плательщиков хараджа. Напротив, расходы на прорытие (мелких) каналов, которые они отводят на свои земли,— посеvy, виноградники, кормовые травы, сады, огороды и т. п.,— ложатся исключительно только на плательщиков хараджа, и государственная казна не несет никакой доли этих расходов. Что же касается починки прорывов плотин, установления головных сооружений Тигра и Ефрата и на других больших реках, то расходы на все это целиком ложатся на государственную казну, а не на плательщиков хараджа»³.

Однако государство почти всегда не соглашалось брать расходы на себя. Только отдельные феодалы, благодаря их стремлению к приобретению крупной земельной собственности, стремятся быть инициаторами сооружения больших каналов.

² К. Маркс. Британское владычество в Индии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 132—133.

³ Абу Йусуф Йакуб. Китаб аль-харадж. Булак, 1309 г. х., стр. 63, 64; перевод А. Э. Шмидта. Архив Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР.

Историк X в. ал-Балазури сообщает⁴, что во время халифа Валида ибн Абдалмалика (704—715 гг.) эмир Ирака ал-Хадждадж посоветовал вырыть за 3 млн. дирхемов Верхний и Нижний Сиб, чтобы увеличить доход казны за счет хараджа. Халиф не согласился. Расходы взял на себя брат халифа Маслама с условием, чтобы халиф подарил ему в качестве икта́ все территории, которые будут орошены водою обоих Сибов. Халиф согласился; каналы были вырыты.

Аналогичный случай был в Мавераннахре: Бухархундат по просьбе своего зятя Шапура отдал ему в качестве икта́ «мухьятиа»— мертвые земли, находившиеся в окрестностях Бухары. Наршахи рассказывает⁵, что после получения во владение этих земель Шапур велел вырыть большой канал, который впоследствии стал называться его именем, т. е. Шапуркамом. Так образовалось крупное землевладение в руках феодалов. В таких случаях феодал являлся собственником воды, что имело большое значение в аграрных отношениях.

Хотя халифы считались по мусульманскому праву собственниками всех земель, находившихся во владении мусульман, и собирали с них государственные налоги, они имели право раздавать в качестве икта́ только государственные земли. Но они не раздавали земель, которые уже принадлежали мусульманину или «зиммию», живущему по договору на мусульманской территории⁶.

Что касается государственных земель, то таковыми были все те земли, которые являлись собственностью халифа. Халифы могли раздавать их своим приближенным, военным и гражданским чиновникам в качестве икта или духовным учреждениям в качестве вакуфов.

Законовед VIII в. Абу Йусуф Йакуб, защищая интересы крупных землевладельцев, старался убедить халифа не взимать харадж со всех земель, отданных в «икта», говоря: «Взимается же с этих земель «ушр», именно с учетом затрат на прорытие оросительных каналов, на возведение строений и обработку земель, ко-

⁴ Al-Balazuri. Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahya ibn Djabir al-Baladsori, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866, p. 294.

⁵ М. Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1897, стр. 44.

⁶ Абу Йусуф Йакуб. Указ. соч., стр. 32. Перев. А. Э. Шмидт.

торые ложатся на владельцев такого поместья (икта). А ведь затраты на «это ...очень велики...»

Таким образом, феодалы, являвшиеся собственниками ирригационных сооружений, имели возможность получить облегчение от налога. Они платили $\frac{1}{10}$ часть своего дохода, в то время как крестьяне платили $\frac{2}{5}$ или $\frac{3}{5}$ части своего дохода.

Во второй половине VIII в., после поражения восстания Дивашти, в Мавераннахре погибли многие дехканские семьи; их земельные владения оказались собственностью халифата, поэтому и были розданы халифом в качестве икта. Наршахи отмечает, что доходы с некоторых селений и ишлиханских базаров были пожалованы арабскому полководцу Ужейфу ибн Анбасу⁷.

Так, на протяжении всего VIII в. повсеместно совершается переход земель из рук крупных дихканских родов в руки военно-феодальной правящей арабской верхушки. Стремление к приобретению крупных земельных владений было характерно для правителей на местах. Наршахи рассказывает о том, как дихкане пришли с жалобой на Ташшаху и Насру ибн Сайару. Они заявили: «Бухар-худат и эмир действуют заодно и отбирают у владельцев имения [дийа]»⁸.

В это время наблюдается переход крестьянских земель в руки феодалов и в связи с развитием раннефеодального института «ильджа» (коммендация или закладные)⁹, что связано с увеличением размера феодальной ренты.

Крестьяне, вынужденные отдавать феодалу («покровителю») свои земли, становились лишь возделывателями их, обязавшись платить налог государству и ренту феодалу-покровителю.

Так, в VIII—IX вв. с развитием раннефеодальных институтов «ильджа» и «икта», с одной стороны, накапливались богатства в руках крупных феодалов, а с другой — разорялись мелкоземельные собственники, превра-

⁷ В. В. Бартольд. Соч., т. 1, стр. 147, 150.

⁸ М. Наршахи. Указ. соч., стр. 79.

⁹ Т. Кадырова. Некоторые новые данные о раннефеодальном институте «ильджа». «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 4, стр. 37.

щаяся в обезземеленных феодально-зависимых крестьян-издольщиков.

Эти процессы сопровождались упорной борьбой крестьян против феодального гнета¹⁰.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Е. Н. Кушева

При изучении развития феодализма на Кавказе встает общий большой вопрос, который еще недостаточно изучен и понят. Это вопрос о замедленном ходе социально-экономического развития народов Кавказа и особенно народов Северного Кавказа.

Общие причины этого явления надо искать в развитии производительных сил, которые необходимо изучать конкретно, в хронологической последовательности.

Решение этого большого общего вопроса невозможно без помощи местных историков, знающих местные условия и особенности. Нужна и помощь археологов.

В связи с проблемой генезиса феодализма на Кавказе здесь справедливо указывали на сложность ее решения и на необходимость расширения круга источников и их публикации.

Здесь говорилось, что для истории Осетии имеется материал, который необходимо опубликовать. Несколько лет тому назад в Адыгее ставился вопрос о необходимости издания замечательных сочинений адыгейского этнографа и историка первой половины XIX в. Хан-Гирея. Однако до сих пор это издание не появилось. В Дагестане обнаружены записи дагестанских адатов и частных актов на арабском языке. Эти ценные материалы заслуживают подлинно научного издания.

Нужно обратить внимание наших центральных научных коллективов и издательств на публикацию таких исторических памятников на восточных языках, которые требуют особой полиграфической базы и не могут быть хорошо изданы местными издательствами.

¹⁰ Т. Кадырова. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII — начале IX в. Изд-во «Наука» Узб.ССР. Ташкент, 1965.